

III.

Отрывокъ изъ поэмы Лорда Байрона :
Гіаурѣ.

I.

Не бьются спящіе валы
О вѣковой грацишь скалы ,
Гдѣ дремлешь Ѳемистокловъ прахъ :
Еще господствуетъ въ странахъ
Того великаго курганъ ,
Кто спасъ ошь ига Персіанъ
Свою отчизну ; вдалекѣ
Бѣлѣетъ ошь среди валовъ.
Когда на легкомъ челнокѣ
Пловцы несутся вдоль береговъ ,
И пѣснь печальную поюшь
О милой родинѣ своей ;
То отголосокъ бывшихъ дней !
Но, можешь бышь , вѣка пройдушь ,
И будешь пѣснь у нихъ одна

II.

Востока дивная страна !
Всегда цвѣтущая весна
Съ улыбкой дань тебѣ несѣтъ.
Когда несчастный Грекъ , съ высотъ
Колонны , грустный взоръ проспретъ ,
На неподвижный хороводъ
Твоихъ прекрасныхъ острововъ ,
На горы выше облаковъ :

Въ мечтахъ волшебныхъ погруженъ,
 Онъ будетъ мыслью занесенъ. . .
 Но тѣ вѣка съ лица земли
 Ужъ невозвратно утески.

III.

Здѣсь море синее вдали
 Съ закатомъ неба голубымъ
 Сладось; какалъ шипъ надъ нимъ!
 Оставя грошъ, самъ Океанъ,
 Одышый въ утренній шуманъ,
 Любуется зеркаломъ водъ:
 Нигдѣ волны не колышетъ!
 Лишь отразился черный боръ,
 Съ вершиной бѣло свѣжыхъ горъ:
 Онъ вѣчающъ острова.
 Лишь иногда кричала едва
 Неспиритъ залетный въшорокъ;
 Но онъ ондѣлалъ-ли цвѣшокъ;
 И въ ночь же мигъ на крыльяхъ самъ,
 По нѣжно-бархатнымъ лугамъ,
 Его разноситъ ароманъ
 И дышитъ нѣгою климанъ!
 Здѣсь звуной пѣснейю своею,
 Павлидетъ розу соловей;
 Царица нѣжная садовъ,
 Съ румянцемъ двеншвенныхъ лепковъ,
 Главу сныдавно наклоня,
 Внимаетъ пѣсямъ соловья;
 Здѣсь Аквилонъ песмѣнъ къ ней,
 Рукою хладною своею,
 Коснувшись; лишь Зефиръ одинъ,

Ее лелѣешь средь долинъ ;
 И благодарная къ дарамъ
 Природы, сладкій гиміамъ
 Она даритъ землѣ родной,
 Блистая пышною красой.
 И много здѣсь другихъ цвѣтовъ
 Песпрѣшетъ на ковръ луговъ.
 Прохлада мирная лѣсовъ
 Всегда готова осѣнитъ
 Любовь ; ея восшорѣ прикрывъ.
 Увы ! но даже сѣнь лѣсовъ
 Скрываетъ шайку удалцовъ ;
 Чей спутникъ — мракъ, шоварищъ — ножъ.
 Унесъ навислый ! для чегожь,
 И ты пріемлешь подъ покровъ
 Ихъ спаяю легкихъ челмоковъ ?
 Откуда взоръ ихъ орліи бдишь,
 И жертву на морѣ слѣдишь
 Въ часъ мирной тишины , когда
 Взойдешь вечерняя звѣзда,
 Они склоняющъ жадный слухъ :
 Чу ? пѣснь вдали гремишь ! — и вдругъ
 Они нагрянутъ — громкій крикъ,
 Надъ спящей бездною возникъ !

IV.

Искусствъ изящныхъ колыбель,
 Земля — прекрасный всѣхъ земель !
 Востока дневная страна,
 Ты небесами создана,
 Чтобъ быть обителью боговъ !

Но пошь ушь нѣсколько вѣковъ,
 Какъ пышный образъ шсон пошаскъ!
 О нешребншсдъ человѣкъ!
 Для ншзкой пршхощи сшрасшей,
 Ты ншзъ земли прешрасной сеш
 Содѣлалъ мрачный маншолоей! "
 Лишь шамъ, гдѣ человѣкъ живешъ,
 Ни сшасшья, ни сшсбоды нѣшь..
 Прешсой пршроды, мшлой ншдѣ,
 Его некусшво не шадшшь!
 Онъ мшсешъ бешснечной сешшой
 Цвѣшты — рожденные весшой!
 Но ихъ пршрода создала,
 И пѣтомъ жаркаго чеша
 Ихъ человѣкъ не орошалъ!
 Ихъ лучъ небосный согрѣвалъ;
 Они не шребуюшь шрудовъ,
 Расшшуть, чшобъ бышь красшой луговъ;
 Познай, чшс шолько лшшь одна
 Твоя пощадъ имъ нужна!

V.

Но для чешо же въ шой сшранѣ,
 Гдѣ нѣга дышешъ въ шшшкшѣ,
 Тамъ буря пагубныхъ сшрасшей
 Въ шолшѣ сшрѣшсшвуетъ людей?
 Зачѣмъ война, развраншъ, разбой
 Гвѣздшсшя шамъ, и кровь рѣкой
 Долины мирныя батршшь?
 Сшощрш на сеш ужасный ншдѣ,
 Кшсш не помыслшшь, „Ангель шѣмъ

расторгъ заклепъ своей тюрьмы,
 всѣхъ Серафимовъ одолѣвъ,
 И на престолъ небесъ возсѣлъ!
 Въ такомъ несчастьи та страна,
 Гдѣ нынѣ царствуетъ Луна.

VI.

Кто видѣлъ блѣдныя ланиты
 Усопшей дѣвы? взоръ закрышый,
 И помертвѣлыя уста,
 И перси хладны, недвижимы,
 Въ томъ самый мигъ неумолимый,
 Когда поблекла красота,
 Когда и радость и печали,
 Съ послѣднимъ вздохомъ миновали?
 И только грозная одна
 Рука не прикасалась плѣнныя,
 Щадя прекрасное творенье!
 Она, какъ мраморъ, холодна,
 Но слѣдъ румянца остается,
 И съ томной блѣдностью сольется.
 Безмолвно все, въ чертахъ покой!
 Но образъ мертвой красотою,
 Ничье ужъ сердце не плѣняетъ!
 Онъ скорбь и ужасъ возбуждаетъ!
 Чась роковой пробилъ...

VII.

Таковъ

Печальный видъ сихъ береговъ:
 То Греція по нещивая!

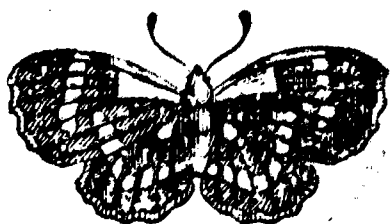
Какъ прежде — за десять вѣковъ.
 И пишина въ ней гробовая,
 И прелеснь мершвая! . . . Она,
 Для наблюдателя страшна;
 И въ ней, какъ въ мершвецѣ, хранился
 Оспашокъ прежней красоты,
 Доколѣ искра шеплошны
 Еще совсѣмъ не истребитсѣ.
 Такъ изъ гряды ненастныхъ тучъ
 Едва сквозишь вечерній лучъ,
 И хладный свѣтъ его печалень;
 Такъ огонекъ во тьмѣ почной,
 Блестилъ надъ грудой развалинь;
 Такъ озарялся луной,
 Надъ гробомъ памятникъ искусства;
 Такъ сердце ноетъ сиротой,
 Проспясь оъ любимую мечтой,
 Въ себѣ — свои скрываетъ чувства!

VIII.

О злополучная земля,
 Гдѣ рѣки, холмы и поля
 Убѣжищемъ свободы были,
 Или могилой славы! . . .
 Въ позоръ швоихъ дѣшей рабовъ,
 Преданья свято сохранили,
 Сію развалину вѣковъ,
 Сіи заросшія могилы!
 Рабы! не здѣсь-ли Өермопилы?
 Чей это памятникъ стоишь?
 Кому изъ васъ принадлежишь

Надъ нимъ висящій пламень орлиный?
 Скала не здѣсь ли Саламинны?
 Но вы безмолвны! вы въ цѣпяхъ! . . .
 Ушвышавесь! въ древнихъ шѣхъ гробахъ,
 Гдѣ кости прадедовъ исплѣли,
 Въ томъ неплѣ некра есть огня,
 Которымъ ихъ сердца горѣли!
 Та некра будешь шлѣпъ до дна,
 Когда подернушый туманомъ,
 Чуть видный Тебѣ надъ океаномъ,
 Во всѣхъ безчисленныхъ лучахъ,
 Взойдешь на чистыхъ небесахъ!
 Воскреснешь мертвая природа!
 Лишь толькобъ грянула свобода,
 Знакомый гласъ услышишь Грекъ;
 И рабъ вновь будешь человекъ.

Трилунный.

I.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПРИГОВОРЕННАГО КЪ СМЕРТИ.

О кончаніе.

Не знаю, о чѣмъ именно я думалъ, какъ вдругъ громкій хохотъ пробудилъ меня изъ моихъ мечтаній. Я вскочилъ и оглянулся; я былъ уже не одинъ въ комнатѣ: со мною вмѣстѣ находился человекъ, мущина лѣтъ 55, средняго роста, покрытый морщинами, почти посѣдѣвшій, здоровый, запачканный, въ рубищѣ, полунагій, опшрашищельный. Вѣрояпно, я не замѣшилъ, какъ опворили дверь, толкнули его ко мнѣ и опять заперли. Когда бы смерть пришла также незамѣлно!

Нѣсколько минушь мы смолпрѣли другъ на друга, онъ со смѣхомъ, я съ

Часть IV. 6